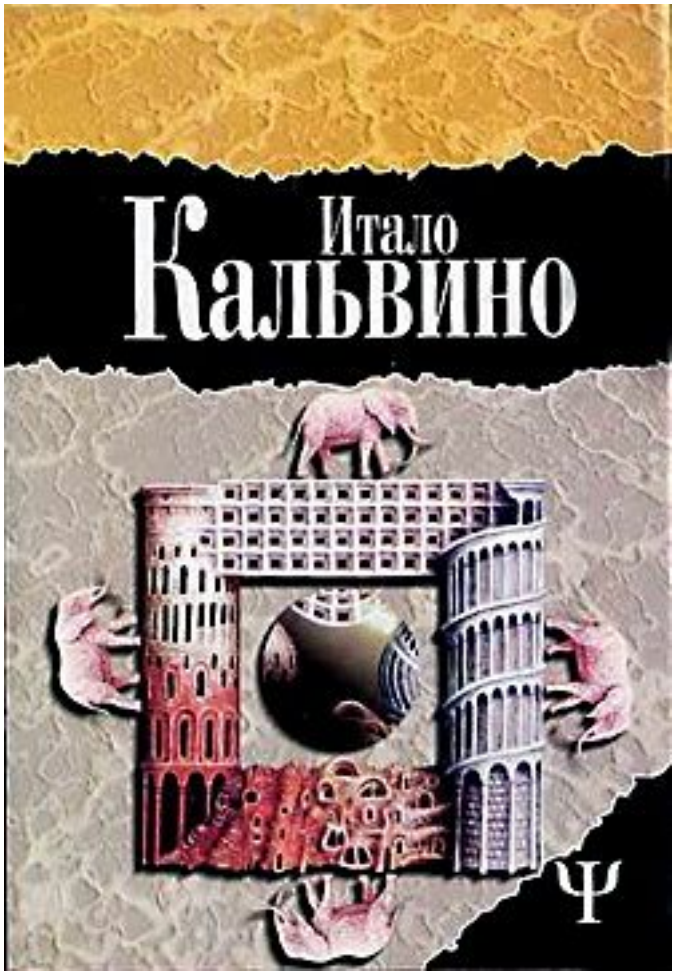
Итало
Кальвино
Ψ

Итало Кальвино
Незримые города

OCR Busya
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171768
Итало Кальвино «Избранное», серия «700»: «Лабіринт», «Ніка-Центр»; Київ; 1997
ISBN 966-521-025-4

Аннотация

Путешествия в мир видений – так можно охарактеризовать романы, вошедшие в сборник итальянского писателя Итало Кальвино.

«Незримые города» – это рассказы о городах, которых нет ни на одной карте. Их экзотика не только географического свойства: трудно сказать, какой эпохе в прошлом, настоящем или будущем принадлежат эти поселения. Возможно, они существуют только во сне – величественные и безумные, туманные и мерцающие…

Содержание

I 4
Города и память. 1 5
Города и память. 2 6
Города и желания. 1 7
Города и память. 3 8
Города и желания. 2 9
Города и знаки. 1 10
Города и память. 4 11
Города и желания. 3 12
Города и знаки. 2 13
Города-загадки. 1 14
II 16
Города и память. 5 18
Города и желания. 4 19
Города и знаки. 3 20
Города-загадки. 2 21
Города и обмены. 1 22
III 24
Города и желания. 5 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Итало Кальвино
Незримые города

I

Нельзя сказать, чтобы Кубла-хан верил всему, о чем рассказывал Марко Поло, описывая увиденные во время странствий города, однако в любом случае властитель слушал молодого венецианца с большим вниманием и любопытством, чем всех остальных своих приближенных. В жизни любого венценосца наступает миг, когда после триумфа великих побед, завоевания огромных территорий и покорения целых народов им внезапно овладевают опустошенность, меланхолия и чувство горечи. Это чувство можно сравнить лишь с острым ощущением безбрежности мира, однажды вечером охватывающим усталого путешественника в африканской саванне; возможно, его вызывает запах, который оставляет за собой стадо слонов, медленно бредущих после дождя к водопою, или же запах сандалового дерева, пепел от которого остывает в погасшем костре. От этого чувства у человека начинается головокружение, из-за него меняют свое русло реки и содрогаются горы на рыжеватых плато, из-за него остаются непрочитанными сотни депеш, сообщающих об окончательном разгроме вражеских армий, трескается воск на печатях посланий королей, которые умоляют о пощаде, предлагая взамен за жизнь ежегодную дань в виде драгоценных металлов, дубленых кож и черепашьих панцирей; это момент отчаяния, когда обнаруживаешь, что империя, которая казалась столь мощной и вечной, представляет собой лишь бесконечный хаос, утративший свою форму, и распад зашел так далеко, что ее могущественный властитель не в состоянии ничего с этим поделать. Победы над другими царствами сделали ее наследницей их медленного упадка. И лишь в рассказах Марко Поло Кубла-хан сквозь стены и башни готовой рухнуть империи видел тонкую филигрань изысканного рисунка, чудом избежавшего разрушительной работы времени и термитов.

Города и память. 1

Отправившись в путь и три дня держа направление только на восток, путешественник попадает в Диомиру, город с шестьюдесятью серебряными куполами, бронзовыми статуями богов, улицами, вымощенными оловом, с хрустальным театром и золотым петухом, каждое утро поющим с вершины одной из башен. Путешественнику знакомы все эти достопримечательности, потому что он их видел в других городах. Но особенность этого города состоит в том, что если попадаешь туда сентябрьским вечером, когда дни становятся короче и у входов харчевен зажигаются разноцветные фонари, с одной из террас доносится женский возглас: «ох!», и тогда начинаешь завидовать всем тем, кто пережил подобный вечер и был счастлив.

Города и память. 2

Человеку, который долго бредет по диким землям, хочется попасть в город. Наконец он прибывает в Исидору, где дворцы украшают винтовые лестницы, инкрустированные морскими ракушками, где очки и скрипки делаются по всем правилам искусства, где путешественник, не зная, какую из двух женщин он должен выбрать, обязательно находит третью, где петушиные бои переходят в кровавую драку без правил, на участников которой делаются ставки. Именно об этом он и думал, когда мечтал попасть в город. В своих мечтах он видел себя в Исидоре молодым, но прибывает туда уже в преклонном возрасте. На площади под стенами домов в тени сидят старики и смотрят, как мимо них проходит и смеется молодежь, и он, старик, тоже находится среди них. От желаний остались только воспоминания.

Города и желания. 1

О городе Доротее можно повествовать двояко: либо рассказывая о том, что над ее стенами вздымаются четыре башни, а к семи воротам ведут подъемные мосты, переброшенные через ров; четыре канала с водой зеленого цвета пересекают город и делят его на девять кварталов, в каждом из которых находится по триста домов и семьсот дымоходов, отметив при этом, что девушки на выданье из одного квартала выходят замуж за парней из другого квартала, а их семьи обмениваются товарами, на которые только они имеют исключительное право: бергамотами, осетровой икрой, астролябиями, аметистами; либо сказать так, как рассказывал погонщик верблюдов, который меня туда доставил: «Когда я был еще совсем молод, однажды утром я прибыл сюда; по улицам на базар шло множество людей, женщины улыбались, показывая красивые зубы, а смотрели вам прямо в глаза, три солдата играли на кларнетах, вертелись колеса повозок, а на ветру развевались афиши до тех пор я знал лишь пустыню да караванные тропы. В то утро, в Доротее. я понял, что меня еще многое ожидает в жизни. Позже мои глаза опять вернулись к созерцанию пустынных пространств и караванных троп, но теперь мне уже известно, что это лишь один из многих путей, открывшийся передо мной в то утро в Доротее».

Города и память. 3

О, великий хан, напрасно я пытался бы описать тебе город Заир с его высокими бастионами. Я мог бы сказать тебе, сколько ступенек на его улицах, какой формы арки его портиков, чем покрыты крыши его домов, но я вижу наперед, что это ни о чем тебе не скажет. Особенность города состоит не в этом, а в соотношении величины его размеров с событиями его истории: например, на каком расстоянии от земли болтались ноги повешенного на фонаре узурпатора, или какой длины была веревка, протянутая от этого фонаря к балюстраде напротив; какой величины гирлянды, украшавшие дома во время бракосочетания королевы; с какой высоты спрыгивает утром с этой балюстрады счастливый любовник, уходя от своей случайной возлюбленной, а также каково расстояние между наклоном водосточной трубы и кошкой, лезу шей по ней. чтобы добраться до окна; между линией прицела канонерки, неожиданно выскочившей из-за мыса, и снарядом, угодившим в эту водосточную трубу; между обрывками рыболовных сетей и тремя стариками, чинящими их на набережной и в сотый раз рассказывающими всем желающим историю повешенного узурпатора, о котором говорят, что он был внебрачным сыном королевы.

Город, как губка, впитывает в себя эту волну текущих в обратном направлении воспоминаний и растет. В описание сегодняшнего Заира следовало бы включить его прошлое. Но город не открывает своего прошлого. Нет ничего похожего на линии руки в его улицах, круто спускающихся к морю, оконных решетках, лестничных маршах, древках знамен, зубцах крепостных стен. И в этом его непостижимость.

Города и желания. 2

После трех дней пути на юг путешественник попадает в Анастасию, город, омываемый концентрическими каналами, над которым летают воздушные змеи. Теперь мне следовало бы перечислить товар, который там можно выгодно купить: агат, оникс, хризопраз и другие виды халцедона; там можно также приобрести золотистое мясо фазана, поджаренное на огне из сухого вишневого дерева и обсыпанное со всех сторон душицей, можно говорить о женщинах, которых я наблюдал во время купания в бассейне, окруженном садом, и которые, как говорят, иногда предлагают прохожему раздеться и спуститься к ним в бассейн. Но все это не раскроет тебе сущности этого города: само описание Анастасии может вызывать одно за другим множество желаний, заставляя тебя подавлять их, а человека, оказавшегося в Анастасии, они обуревают все сразу и со всех сторон. Город кажется тебе единым целым, частью которого ты являешься, и где нет желаний, которые не могли бы осуществиться, но поскольку он сам располагает всем тем, чего нет у тебя, тебе остается только жить посреди всех этих желаний и тем довольствоваться. Такова власть Анастасии, которую одни считают пагубной, а другие – благодатной, и в этом состоит обманчивость города если бы ты по восемь часов в день обрабатывал ониксы и хризопразы, твой труд, придающий форму камням, столь желанным для красавиц, принял бы форму этого желания, а сам ты. думая, что получаешь радость от Анастасии, стал бы всего-навсего ее рабом

Города и знаки. 1

Три дня путник идет, не видя ничего, кроме деревьев и камней. Его взгляд редко останавливается на чем-либо и то лишь тогда, когда он натыкается на нечто любопытное: так, след на земле свидетельствует о том, что здесь недавно прошел тигр, лужица воды говорит о близости оазиса, цветок просвирняка – об окончании зимы. Все остальное остается немым и монотонным: деревья и камни всего лишь деревья и камни, и ничего больше.

Наконец дорога приводит в город Тамару. На стенах домов полно вывесок. Взгляду представляются не надписи, а образы вещей: щипцы указывают на дом зубодера, горшок – на таверну, алебарды – на помещение для стражников, весы – на торговца фруктами и овощами. На статуях и гербах изображены львы, дельфины, башни, звезды, которые тоже что-то обозначают, но кто может сказать, символом чего может быть лев, дельфин, башня или звезда? Другие знаки предупреждают о том. что запрещено: проходить по переулку с тележками, мочиться за будкой сапожника, ловить рыбу с моста, и то, что разрешено: поить зебр, играть в шары, сжигать трупы своих родителей. Сквозь двери храмов видны статуи богов со всеми атрибута ми: рогом изобилия, песочными часами, медузой, благодаря чему верующие узнают их и творят соответствующие молитвы. Если даже на каком-то здании нет вывески или статуэтки, сама его форма и месторасположение указывают на его назначение: королевский дворец, тюрьма, монетный двор, пифагорианская школа, бордель. Даже товары, выставленные торговцами, являются знаками: вышитая повязка для лба означает элегантность, позолоченные носилки – власть, тома Аверроэса – мудрость, бусы для щиколоток – сладострастие. Улицы города представляются взгляду открытыми страницами: город говорит тебе то, о чем ты должен думать, заставляет тебя повторять то, о чем говорит он сам, и когда тебе кажется, что ты посещаешь Тамару, ты всего-навсего запоминаешь знаки, посредством которых она выражает сама себя и все свои части.

Каков на самом деле этот город, усеянный сплошными знаками, что в нем есть и что он скрывает, путник так и не сможет понять. За ним до самого горизонта простирается пустынная земля и покрытое тучами небо. В форме этих облаков, по воле ветра или случая, человек уже пытается различать другие веши: парусник, руку, слона…

Города и память. 4

За шестью реками и тремя горными цепями находится Зора. Человек, побывавший в этом городе, никогда не сможет его забыть. И вовсе не потому. что он оставляет в памяти свой необычный образ, как другие достопамятные города. Зора обладает особенностью запоминаться строгой последовательностью своих улиц и стоящих на них домов, их дверями и окнами, хотя в них нет никакой особой красоты. Ее тайна состоит в ином Взгляд пробегает по предметам, расположенным в определенном порядке, как в музыкальной партитуре, где нельзя ни заменить, ни переставить ни одной ноты. Человек, наизусть знающий устройство Зоры, бессонными ночами воображает, будто идет по ее улицам и при этом помнит порядок, согласно которому вслед за медными часами будет находиться полосатый навес цирюльника, семиструйный фонтан, стеклянная башня астронома, лавка торговца арбузами, статуя отшельника со львом, турецкие бани, кафе, дорожка, ведущая в порт. Этот город, который невозможно вычеркнуть из памяти, представляет собой нечто вроде остова, где располагаются вещи, о которых он желает помнить: имена знаменитых людей, добродетели, числа, названия растений или минералов, даты сражений, созвездия. Между каждой частью города и каждым понятием можно установить связь по признаку схожести или противоположности, которые сразу же всплывают в памяти. Лостаточно сказать, что самые мудрые люди в мире мечтают познать Зору.

Однако напрасно направлялся я в этот город: вынужденный жить неподвижной и замкнутой жизнью, дабы его лучше помнили, город Зора зачах, разрушился и исчез. И Земля позабыла о нем.

Города и желания. 3

До Деспины можно добраться двумя путями: кораблем или на спине верблюда. В зависимости от того, прибываешь ли туда морским или наземным путем, город представляется совершенно различным.

Погоншику верблюдов при виде небоскребов, антенн радаров, красных и белых шлангов, дыма труб на горизонте ясно, что это город, но он представляется ему кораблем, который унесет его подальше от пустыни, парусником, готовым поднять якорь, паруса которого уже надувает ветер, или пароходом, корпус которого дрожит от работы машин; он думает о далеких портах, заморских товарах, сгружаемых кранами на набережную, о тавернах, где матросы разных рас и национальностей разбивают о головы бутылки, об освещенных окнах, в каждом из которых видна женщина, поправляющая прическу.

В прибрежном тумане моряку показывается нечто, подобное верблюду, между двумя пестрыми горбами которого можно рассмотреть покрытое блестящей бахромой седло; он знает, что это город, но думает о нем как о верблюде, навьюченном бурдюками и переметными сумами с засахаренными фруктами, старым вином, табачными листьями, и он уже видит себя во главе длинного каравана, уносящего его подальше от водяной пустыни к оазисам с пресной водой и тенью пальм, к дворцам с высокими известняковыми стенами, к дворам, на плитах которых пляшут босоногие

танцовщицы, едва прикрытые своими прозрачными одеждами.

Каждый город, противостоящий пустыне, обретает определенную форму, и таким видят погонщик верблюдов и моряк Деспину, город, расположенный между двумя пустынями.

Города и знаки. 2

Из города Зирмы путешественники возвращаются с весьма определенными воспоминаниями: о слепом нефе, кричащем в толпе, сумасшедшем, свесившемся с карниза небоскреба, девушке, выгуливающей на поводке пуму. В самом деле, многие из слепцов, стучащих посохами по мостовым Зирмы – чернокожие, в каждом небоскребе найдется сошедший с ума человек, а каждая пума может быть приручена ради каприза какой-то девушки Город по своей сущности весьма многословен и повторяется в своих деталях так, чтобы что-то из него врезалось в память.

Я тоже побывал в Зирме: в моей памяти остались дирижабли, летающие на высоте окон во всех направлениях, торговые улицы, где моряки делают себе татуировки, поезда подземки, переполненные толстыми женщинами, страдающими от ужасной жары.

Друзья, которые там побывали, клянутся, что они, наоборот, видели только один летавший дирижабль, только одного татуировщика с кушеткой, инструментом и чернилами, наносящего на кожу рисунок, одну-единственную ожиревшую женщину, обмахивающуюся веером на площадке вагона Память избирательна: для того, чтобы жизнь существовала, в ней повторяются знаки.

Города-загадки. 1

Считается, что Изаура, город тысячи колодцев, был построен над глубоким подземным озером. Повсюду, где жители рыли колодцы, они всегда находили воду, и город разросся над озером, но не сделал ни шага дальше: его зеленые границы в точности повторяют невидимые границы озера, невидимый пейзаж которого обусловливает пейзаж видимый, и все, что растет под солнцем, растет благодаря воде, плещущейся под каменным сводом.

В соответствии с этим в Изауре существуют две религии. Одни считают, что боги, покровительствующие городу, обитают в глубинах озера, питающего почву. Другие утверждают, что боги живут в ведрах, в которых поднимают воду из колодцев, в вертящихся шкивах, в воротах ковшей, рычагах насосов, крыльях ветряных мельниц, добывающих воду из скважин, в решетчатых загородках, где ведутся буровые работы, в подвешенных к потолкам емкостях для воды, в легких изгибах акведуков, во всех водяных струях, вертикальных трубах, рыболовных поплавках, во всем, вплоть до флюгеров над строениями Изауры.

Посланцы и соглядатаи великого хани, направленные для проверки отдаленных провинций, точно в срок возвращались во дворец Кемунфу и проходили в магнолиевый сад, в тени которого прогуливался Кубла-хан, выслушивая их доклады. Эти посланники были персами, армянами, сирийцами, коптами или турками. По своему происхождению хан был чужестранцем для своих подданных, а империя для Кубла-хана могла принимать конкретные формы только благодаря глазам и ушам чужестранцев. На незнакомых хану языках посланцы докладывали о вестях, которые они собирали на языках, незнакомых для них самих; из этого бормотания выплывали цифры налогов, собранных ханским сборщиком, имена изгнанных со службы и обезглавленных чиновников, протяженность оросительных каналов, питаемых жалкими речушками, пересыхающими во время засухи. Однако, когда наступала очередь доклада молодого венецианца, между ним и великим ханом устанавливалась совершенно иная форма общения. Марко Поло не знал восточных языков и мог изъясняться только жестами, прыжками, возгласами восторга или ужаса, издавая звериное рычание или крик совы, либо же при помощи предметов, которые он доставал из своих сумок: страусиных перьев, духовых трубок, кусочков кварца, раскладывая их перед ханом в шахматном порядке. Находчивый чужестранец докладывал о своих путешествиях, используя пантомиму, которую хан должен был разгадать: так, один город обозначался прыжком ускользающей от баклана рыбы, которая затем попадалась в сеть; другой город – голым человеком, проходившим сквозь огонь и оставшимся невредимым, третий – черепом, державшим в зубах белую круглую жемчужину. Великий хан разгадывал эти знаки, но связь между ними и городами, о которых хотел рассказать Марко, так и оставалась неясной: он никогда не мог понять, хотел ли Марко поведать ему о случившемся во время путешествия приключении, рассказать историю основателя города, передать предсказание астролога или же этот ребус или шарада говорили об их имени. Тем не менее ясно или туманно это было представлено, но все то, что показывал Марко, было зрелищем, которое невозможно ни забыть, ни спутать с чем-то другим. В голове хана империя представлялась в виде бесчисленных песчинок в пустыне, из которых возникали образы городов и провинций, вызванные непонятными речами венецианца.

Сменилось несколько времен года, много раз Марко рассказывал о своих путешествиях и наконец приобщился к татарскому языку. Теперь его доклады были еще точнее и скрупулезнее, чем того мог пожелать великий хан, и не было такого вопроса, на который он не смог бы ответить. И все же в сознании Кубла-хана всякие сведения о том или ином месте связывались с первым жестом или предметом, которые демонстрировал ему Марко. Именно эмблема, некий знак запоминался лучше всяких других подробностей и придавал услышанному новый смысл. Кубла-хан, размышляя, думал, что империя – это, возможно, не что иное, как зодиакальное созвездие фантасмагорий разума.

– Смогу ли я наконец постичь мою империю в тот день, когда я пойму все эмблемы?– спросил он у Марко.

И венецианец ответил:

– О повелитель, не стоит надеяться на это: в тот день ты сам станешь одной из эмблем посреди остальных.

II

Другие посланники докладывают мне о голоде, взяточничестве, заговорах или же рассказывают об открытии залежей бирюзы, о выгодных ценах на куньи меха, о предложениях поставок дамасской стали. А ты? – спросил Поло великий хан. – Все, что ты можешь сказать мне, вернувшись из дальних стран, подобно мыслям человека, сидящего вечером на пороге своего дома, чтобы подышать свежим воздухом. К чему тогда тебе все эти путешествия?

– Сейчас вечер, мы сидим на большой лестнице твоего дворца, дует легкий ветерок, – ответил Марко. – Какой бы ни была страна, образ которой вызывают мои слова, ты все равно увидишь ее со своего места, даже если вместо дворца здесь стояла бы. деревня на сваях, а ветер доносил бы запах тинистого канала.

– Согласен, мой взгляд – это взглядчеловека, погруженного в мысли и рассуждения. А твой? Ты пересекаешь архипелаги, моря, горные цепи. А результат тот же, как если бы ты не выезжал отсюда.

Венецианцу было известно, что когда Кубла-хан начинал рассуждать подобным образом, это означало, что он пытается разобраться в собственных мыслях. В общем, каждому было безразлично то, что высказывал другой. И они продолжали хранить молчание, лежа с полуприкрытыми глазами на подушках, раскачиваясь в гамаках и покуривая янтарные трубки.

Марко Поло представлялось, что он отвечал (или же Кубла-хану представлялся этот ответ), что чем больше он бродил по незнакомым кварталам далеких городов, тем лучше понимал те города, через которые он прошел, чтобы добраться до этого, и он опять вспоминал этапы своих странствий. Ему казалось, что теперь он лучше понимал очарование порта, где его судно подняло якорь, красоту мест, которые были близки ему в молодости, все то, что находилось неподалеку от его дома, и кампьелло в Венеции, где он бегал ребенком.

В этот момент Кубла-хан прерывал его рассказ, или же Марко Поло казалось, что его прервали, или же Кубла-хан думал, что прервал его вопросом, похожим на этот:

– Ты всегда идешь вперед, глядя назад?

Или же:

– То *что ты видишь, всегда находится позади?*

Или еще жестче:

– Твой путешествия происходят только в прошлое?

Все это было для того, чтобы Марко Поло смог объяснить, или представить себе, что объясняет, или быть объясняющим в представлении другого, или же, наконец, суметь объяснить себе самому, что то, что он искал, всегда находилось в будущем, и даже если речь шла о прошлом, это прошлое изменялось по мере продвижения вперед в его странствиях, потому что прошлое путешественника меняется в соответствии с пройденным путем, и мы не говорим «недавнее прошлое» по отношению к прошлому, к которому с каждым днем добавляется еще один день,

но говорим «самое отдаленное прошлое». Побывав в новом городе, путешественник обнаруживает в нем часть своего прошлого, которым он обладал, сам того не ведая. Ощущение странности от того, что ты уже не тот или чем-то больше не обладаешь, поджидает тебя в незнакомых местах, где ты никогда и ничем не сможешь обладать.

Марко въезжает в город и на площади видит человека, живущего своей жизнью или переживающего какой-то ее момент; он мог бы быть на месте этого человека в настоящее время, если бы когда-то раньше остановился или когда-то, на перекрестке путей, вместо того чтобы пойти в одну сторону, пошел бы в другую и после долгих перипетий оказался бы на месте этого человека на этой площади. А теперь он изгнан из этого настоящего или предполагаемого прошлого; он не может остановиться и должен продолжать свой путь до следующего города, где его ожидает другая жизнь из его прошлого или что-то, что могло бы быть возможным в его жизни в будущем и что во времени представлено кем-нибудь другим. Нес лучившееся будущее всего лишь отголосок прошлого: заглохший отголосок.

– Ты путешествуешь для того, чтобы вновь пережить прошлое}

Вопрос хана мог бы быть задан и следующим образом:

– Ты путешествуешь для того, чтобы увидеть свое будущее}

Ответ Марко Поло таков:

– Всякое другое место – это зеркало в негативе. Путешественник видит в нем то малое, что ему принадлежит, и обнаруживает то, что он не получил и никогда не получит.

Города и память. 5

В Маурилье путешественнику предлагают осмотреть город и показывают старые почтовые открытки, на которых он изображен таким, каким был раньше: та же самая площадь на том месте, где сейчас находится автовокзал, на месте пешеходных мостков – киоск с музыкальными записями, две девушки с белыми зонтиками на месте фабрики по производству взрывчатки. Чтобы не огорчать жителей, необходимо похвалить город таким, каким он изображен на открытках и выказать ему предпочтение перед современным городом, придерживаясь, однако, в своих сожалениях определенных рамок: путешественник должен признать, что величие и процветание нынешней Маурильи не могут возместить утраченной прелести провинциальной Маурильи, которую можно понять, лишь разглядывая старые почтовые открытки. Прежде никто не замечал прелести провинциальной Маурильи и не заметил бы ее сейчас, останься она такой, как раньше, а также то, что благодаря этому метрополия обрела дополнительную привлекательность и что с высоты того, какой она стала, можно с ностальгией думать о прошлом.

И поостерегитесь говорить им, что иногда на том же месте и под тем же названием существуют совершенно разные города, которые рождаются и умирают. так и не познав друг друга и никогда не имея между собой никакой связи. Иногда при этом остаются те же самые имена жителей, а их речь сохраняет тот же самый акцент, и даже черты их лиц не меняются, но боги, покровительствовавшие названию и местности, ушли, не сказав ни слова, а их места заняли чужаки Нет смысла задаваться вопросом, лучше они или хуже прежних богов, потому что между ними не существует никакой связи. Точно так же, как старые почтовые открытки представляют не Маурилью, такой, какой она была, а другой город, который тоже назывался Маурильей по воле случая.

Города и желания. 4

В центре Федоры, метрополии из серого камня, стоит дворец, в каждом из залов которого находится по стеклянному шару Если присмотреться к этим шарам, то внутри можно увидеть макет голубого города, который является макетом самой Федоры, но совсем иной. Эти формы город мог бы принять, если бы по той или другой причине не стал бы таким, каким мы видим его сегодня. Во все времена существовал такой человек, который, глядя на тогдашнюю Федору, думал о том, как сделать из нее идеальный город, но когда он еще мастерил его макет в миниатюре, Федора уже успевала измениться, и то, что накануне могло стать ее возможным будущим, отныне осталось лишь игрушкой в стеклянном шаре.

Теперь у Федоры с этим дворцом и его стеклянными шарами есть свой музей: все жители приходят сюда, и каждый выбирает себе город, соответствующий его желаниям; он разглядывает его. и ему кажется, что он видит свое отражение в озере с медузами, в которое следовало бы направить воду из канала (если он не был бы осушен), что, выглядывая из балдахина, он прогуливается по аллее для слонов (теперь запрещенных в городе), что он скользит по спиралям винтообразного минарета (для строительства которого не нашлось места).

О, великий хан, на карте твоей империи должны быть обозначены как большая Федора из камня, так и маленькие Федоры в стеклянных шарах. Не потому, что они все одинаково реальны, а потому, что их существование можно лишь предполагать. Одна из них собрала в себе то, что восприняла как необходимое, тогда как оно еще не стало таковым, а остальные – то, что можно было представить возможным и что секунду спустя перестало им быть.

Города и знаки. 3

Путешествующий человек, который еще не знаком с городом, ожидающим его на пути, начинает задумываться, каким будет царский дворец, казарма, мельница, театр, базар. В каждом городе империи ни одно здание не похоже на другое, но едва чужестранец попадает в незнакомый город, то, бросив взгляд на сосновые шишки пагод, мансарды и амбары, пройдя вдоль капризных очертаний каналов, цветущих садов и куч нечистот, он сразу же узнает, где находятся дворцы принцев, храмы первосвященников, таверна, тюрьма, места для отбросов. Говорят, что таким образом подтверждается предположение о том, что каждый человек держит в голове образ города, состоящего только из различий, города без формы и лица.

Однако Зоя совершенно не такая. В любом месте этого города можно спать, готовить пищу, копить золотые монеты, раздеваться донага, царствовать, заниматься продажей, задавать вопросы оракулам. Под любой из пирамидальных крыш может находиться лазарет для прокаженных или термы одалисок. Путешественник описывает круги и. полный сомнений, возвращается на прежнее место: ему не удается отличить друг от друга различные части города, и от этого спутываются его собственные мысли. И он делает следующий вывод: если существование в каждом из отдельных моментов является цельным, город Зоя является местом непрерывного существования. Но тогда зачем нужен этот город? Какая черта отделяет жизнь внутри его и за его стенами? Шум улиц от воя волков?

Города-загадки. 2

Сейчас я уже мог бы сказать, что есть удивительного в городе Зиновии: несмотря на то, что он расположен в сухом месте, он стоит на очень высоких сваях, а его дома построены из бамбука и имеют большое количество галерей и балконов; расположены они на различной высоте, словно находятся на строительных лесах, которые как бы бросают друг другу вызов. Они связаны между собой лесенками, над которыми возвышаются покрытые коническими крышами бельведеры, а также бочки для воды, вращающиеся на ветру флюгера, и отовсюду торчат строительные блоки, рыболовные удочки и подъемные краны.

Какая необходимость, веление или желание заставили основателей Зиновии придать ей подобную форму – неизвестно, и. следовательно, невозможно сказать, необходимость, повеление или желание были удовлетворены при создании города таким, каким мы видим его сегодня, и который, возможно, разросся путем дальнейших наслоений и теперь невозможно различить его изначальные очертания. Можно быть уверенным в одном: если спросить любого жителя Зиновии, каким он видит город, в котором хотел бы жить, в его представлении это всегда будет Зиновия со своими сваями и лестницами; возможно, это будет несколько иная Зиновия, с развевающимися флагами и лентами, но она всегда будет состоять из элементов первой.

Говоря обо всем этом, невозможно определить, счастливо или нет живется в Зиновии. Нет смысла делить города на эти две категории; они делятся скорее на следующие: города, которые сквозь годы и перемены продолжают придавать конкретные формы желаниям, и города, которые становятся ничем из-за желаний либо сами превращают их в ничто.

Города и обмены. 1

В восьмидесяти милях к северо-западу находится город Эвфемия, куда к каждому периоду равноденствия и к каждому периоду солнцестояния стекаются купцы семи наций Судно, которое прибывает с грузом имбиря и хлопка, уходит с трюмом, набитым фисташками и маковыми зернами, а караван, едва сгрузив мешки с мускатными орехами и изюмом, уже оказывается нагружен свертками золотистой кисеи Однако вовсе не обмен товарами, который происходит на всех базарах империи великого хана и за ее пределами, огромное количество которых повергается к его ногам на тех же желтых циновках, в тени тех же самых занавесей, предложенных с такой же якобы скидкой, заставляет людей преодолевать реки и пустыни, чтобы добраться сюда. Сюда приезжают не только для того, чтобы продать или купить, но еще потому, что по вечерам, вокруг горящих на базарной площади костров, сидя на мешках, бочках или возлежа на одеялах, каждый, произнося такие слова, как «волк», «сестра», «спрятанное сокровище», «сражение», «чесотка», «возлюбленные», рассказывает свою собственную историю о волках, сестрах, сокровищах, чесотке, возлюбленных и сражениях. И ты уже знаешь наперед, что на обратном пути, дабы не уснуть, покачиваясь на верблюде или в джонке, ты по очереди начинаешь перебирать свои личные воспоминания. Твой волк становится другим волком, твоя сестра будет отличаться от прежней сестры, твои сражения будут другими сражениями на обратном пути из Эвфемии, города, где память меняется в период солнцестояний и равно действий.

Как уже говорилось, Марко Поло совершенно не знал восточных языков и мог изъясняться с ханом, только добывая из дорожных сумок различные предметы: это могли быть барабаны, соленая рыба, ожерелья из зубов акул.

Великому хану не всегда были ясны соотношения между элементами его рассказов; одни и те же предметы могли говорить о разных вещах: так, колчан, полный стрел, мог говорить как о близости войны, так и об избытке дичи, либо о мастерстве оружейников, песочные часы могли обозначать время, которое проходит, которое уже прошло или же обозначать мастерскую, где их изготавливают.

Однако для Кубла-хана в каждом отдельном случае было важно незаполненное словами вокруг каждого факта или события пространство в речи его молчаливого собеседника. Описание городов, которые посетил Марко Поло, имело следующее качество: в них можно было мысленно прогуливаться, бродить, останавливаться в тени или убегать оттуда.

Со временем в рассказах Марко Поло слова все больше заменяли жестикуляцию и демонстрацию предметов: для начала это были бессвязные восклицания, отдельные наименования, глаголы, которые затем перешли в правильные фразы. Либо иностранец овладел языком хана, либо властитель научился понимать язык чужестранца.

Можно сказать, что общение перестало доставлять им прежнее удовлетворение: для обозначения всего того, что было в провинциях и городах: памятников, рынков, обычаев, фауны и флоры, слова, конечно, подходили куда больше, чем предметы и жесты, но когда Поло начинал рассказывать о дневной и вечерней жизни в этих городах, нужные слова приходили с трудом, и понемногу он вынужден был возвращаться к жестикуляции, гримасам и подмигиванию.

Так, к словесному описанию каждого города прибавлялся бессловесный комментарий, состоявший из поднятых рук, демонстрации ладони, тыльной стороны руки или ее ребра и сопровождаемый прямыми или закругленными, резкими или плавными движениями. Между ними установился новый вид диалога: белые пальцы великого хана, усыпанные перстнями, отвечали на движения ловких узловатых рук купца. Со временем их взаимопонимание улучшилось, и каждое движение начало выражать то или иное понятие. И как словарь из предметов все время разрастался вместе с появлением новых товаров, так начал окончательно складываться словарь комментариев без слов. Но чаще всего они пребывали в молчании и неподвижности.

III

Кубла-хан обратил внимание на то, что города Марко Поло были похожи друг на друга так, словно для их описания тому требовалось не путешествие, а простая перестановка их отдельных элементов. Теперь, когда Марко описывал ему какой-то город, внимание великого хана было направлено на другое и, разобрав этот город по частям, он вновь воссоздавал его, но уже иным, используя замены, перемещения и перестановки отдельных его элементов.

Марко все еще продолжал повествовать о своем путешествии, но властитель уже не слушал и перебил его:

– Теперь я сам буду описывать города, а ты мне будешь говорить, существуют ли они на самом деле и такие ли они, как я себе представляю. Начну с города, выступами расположившегося на берегу залива, имеющего форму полумесяца и обдуваемого сирокко. Я расскажу о некоторых его достопримечательностях: в нем есть стеклянный бассейн высотой с колокольню, служащий для наблюдения за летающими рыбами, по движениям в воде и прыжкам которых определяют различные предзнаменования; пальма, листья которой, как арфа, играют на ветру; площадь, вокруг которой подковой расположен мраморный стол с мраморной скатертью и с мраморными яствами и напитками.

– Ты невнимателен, повелитель. Ты перебил меня как раз в тот момент, когда я рассказывал именно об этом городе.

– Он известен тебе? Где он? Как он называется?

– У него нет названия, и он нигде не находится. Еще раз напомню, зачем я его описывал: из числа воображаемых городов необходимо исключить те, составные части которых нагромождаются без всякой связи между собой. Существуют города, похожие на мечту, а мечтать можно обо всем, на что способно воображение, но самая удивительная мечта заключается в ребусе, скрывающем желанное и его противоположность – страх. Города, как и мечты, состоят из желаний и страхов, даже если выражение этого скрыто, их правила абсурдны, а их перспективы обманчивы: за всякой вещью скрывается другая.

– У меня нет ни желаний, ни страхов, – заявил хан, – а мои мечты зависят от моего пожелания или от случая.

– Считается, что города – это тоже плод желания или случая, но ни того ни другого недостаточно, чтобы их стены устояли. Наслаждение получаешь не от семи или семидесяти семи достопримечательностей города, а от того ответа, который он может дать на заданный тобой вопрос.

– Или на вопрос, который он сам тебе задаст, заставляя отвечать, словно Фивы устами Сфинкса.

Города и желания. 5

После семи дней и семи ночей пути путешественник прибывает в Зобеиду, белый подлунный город с улицами, запутанными, словно клубок ниток. Вот что рассказывают о том, как возникла Зобеида. Однажды мужчины разных национальностей увидели один и тот же сон: нагая женщина с длинными волосами бежала вечером по незнакомому прекрасному городу. Во сне они стали ее преследовать. Наконец она скрылась от них. Проснувшись, они направились на поиски этого города, а не найдя его, собрались вместе и решили построить точно такой же, как тот, который они видели во сне. Его улицы прокладывались по тому же пути, по которому каждый во сне преследовал женщину, а в том месте, где он ее потерял, стены были воздвигнуты такими высокими, чтобы она больше не смогла убежать.

Так вырос город Зобеида, в котором они остались жить в ожидании того, что сон станет явью. Но никто из них ни во сне, ни наяву больше не увидел той женщины. По этим улицам они ходили, надеясь на то, что чудо повторится. Но творение их рук утратило всякую связь со сном, который к тому же давно был ими позабыт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.